

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭЛИТОЛОГИЯ О РОЛИ И МЕСТЕ ЭЛИТ В ИСТОРИИ

П.Л. Карабущенко
(Россия, Астрахань)

Аннотация. *Каждая политическая элита рано или поздно занимает свое место в истории. Занятие места в истории оказывается столь же напряженным способом борьбы за власть, как и в реальной политической практике. Стремясь занять более выгодные позиции, субъекты элит весьма часто идут на фальсификацию, от чего политическая история превращается не в поле действия объективных законов историзма, а становится продолжением черного PR. Историческая элитология и политическая герменевтика помогает нам избавить мир от этого наваждения и увидеть политическую истину, уже ставшую достоянием истории.*

Annotation. *Each political elite takes its place in history sooner or later. The process of becoming a leader in history is just as stressful way of struggle for power, as in the actual political practice. In an effort to take a more advantageous position, the subjects of elites rather often go on falsification from what the political history turns not in the field of action of objective laws of a historicism, and becomes continuation black-PR. Historical elitology and Political Hermeneutics help us to relieve the world from this delusion of elite and see the political truth which has already become a property of history.*

Ключевые слова: элита, элитология, история, фальсификация, герменевтика.

Key words: elite, elitology, history, falsification, hermeneutics.

Элитология истории есть история клеветы одной элиты на другую. Обвинения в сомнительном качестве элитного достоинства всегда довели над элитами-конкурентами. Власть элит неограничена, а потому компенсация недостатков путем нагнетания негатива на головы своих врагов является последним доводом, когда заканчивается порох и ломается последняя пушка.

Методологическая основа исторической элитологии. Историческая элитология занимается вопросами о том, как политические элиты оценивают и трактуют прошлое, какое место они желали бы занять в истории и что для этого они делают? Но помимо взгляда политических элит на историю, существует взгляд на историю научных элит. И эти взгляды часто весьма отличаются друг от друга.

Задолго до возникновения исторической элитологии в научной мысли сложились две крайние точки зрения о месте в истории элит и масс. Первую позицию озвучил в XIX в. Т. Карлейль [5], заявивший о решающей роли элит и их лидеров в истории человечества (*элитарный подход*). Эту позицию поддержат Ф. Ницше, В. Парето и все те, кто будет рассматривать историю с элитистских позиций. Вторую точку зрения выразит марксизм, сторонники которого будут утверждать о ведущей роли масс в политике и в истории. *Эгалитарный подход* настаивает на том, что элиты – всего лишь выдвиженцы масс и без них ничто. В эпоху «восстания масс» (Н.А. Бердяев, Х. Ортега-и-Гассет) могло действительно показаться, что массы вышли на авансцену мировой истории и целиком и полностью захватили инициативу в свои руки.

Являясь разделом большой элитологии, элитология истории изучает прошлое элит, их политическую, культурную жизнь, их психологическую составляющую и, разумеется, философию их жизни. Когда мы говорим «элитология», то, прежде всего, имеем в виду нашу российскую элитологическую традицию, а не западные теории элит, которые совсем недавно признали право «elitology» на существование [2].

В настоящее время в отечественной традиции наибольшее развитие получила *социально-политическая элитология* (Г.К. Ашин, О.В. Крыштановская, А.В. Понеделков и др.), которая не только занята мониторингом политических элит, но и пытается давать анализ их деятельности, намечая некоторые перспективы их развития на ближайшее будущее. В отличие от нее *антропологическая элитология* еще не получила столь широкого развития, но анализ самих элитологических работ последнего времени показывает, что в них все больше начинают проявляться элементы, относимые как раз к антропологической (или культурно-психологической) элитологии. Это проблемы личности, образования, культуры, воспитания, психологии поведения субъекта элиты и самой элиты в целом.

Историческая элитология объединяет проблематику как политической, так и антропологической элитологии. Залог этому – собственно комплексный подход, а также компаративизм, посредством которого она получает возможность беспрепятственно анализировать все стадии исторические развития элиты: *элитогенез* (зарождение, становление) – *элитократию* (акмеологический период развития) – *элитоцид* (спад и/или гибель). Именно историческая элитология начинает процесс, который мы могли бы условно назвать «судом истории над элитами».

Суд над элитами начинается тогда, когда заканчивается их эпоха и начинается история, над которой они уже не властны. Суд над политической элитой неизбежен. Как только политическая элита становится достоянием истории (а это случается, когда субъект элиты утрачивает политическую власть), общество начинает оценивать ее роль. Оценивать и выносить свой вердикт.

Элиты перед лицом истории – это известные люди своего времени, оказавшиеся на суде всего человечества. Суд времени – это чаще всего людской суд, попытка разобраться в прошлом с целью идентификации своего настоящего. Это наши суждения о том, какова она на самом деле. Но судить элиту (т.е. раскрывать ее истинную сущность) нужно не при помощи людской молвы, а с помощью той науки, которая хорошо знает историю, прекрасно разбирается в природе самих элит и умеет адекватно толковать и понимать ее деяния, исходя из их внутреннего содержания. Такой наукой является историческая элитология, вооруженная таким методом научного исследования, как историческая герменевтика. Именно суд над элитой является главным оправданием существования исторической герменевтики.

То, что говорится про элиту, имеет значение только во время ее бытования. Последующим поколениям элиты, может статься, не будет никакого дела до того, о чем думали, что переживали и что делали их предшественники. Кто нынче помнит про политическую элиту времен Платона? Да и Платона вспоминают одни лишь философы. Немаловажной также является оценка личности историка. Если бы историю писали только историки-профессионалы, это была бы чистая наука. Но к великому сожалению, историки часто пишут ее под диктовку определенных политических обстоятельств и под определенный идеологический заказ. В этом плане историки оказываются заложниками политики. О какой достоверности можно говорить в этом случае, если историческая наука становится исполнителем, а идеология (политика) выступает в роли заказчика, о каком качестве может идти речь?

Историки-фальсификаторы и политики-идеологи (фальсификаторы-заказчики) составляют круг заговорщиков, который участвует в переписывании истории. При этом они могут это делать совершенно искренне, без злого умысла, свято веря в утвердившиеся в их политическом сознании идеалы, в то, что действительно восстанавливают истину, ранее попорченную или неверно увиденную. Именно так было в советское время, когда тоталитарная власть большевиков начала усиленно переписывать историю, создавая альтернативную политическую мифологию официального толка. Современные историки признают, что «самый известный миф, созданный под руководством Сталина, – "Краткий курс истории ВКП(б)"» [1, с. 10]. И с этим суждением трудно не согласиться, еще труднее – его оспорить. Но это было, и ученым еще предстоит самым тщательным образом разобраться в вопросе, кто, когда и зачем

сочинял эту фальшивку (впрочем, автор ее давно известен) и какое влияние она оказала на мировоззрение советского человека тех лет.

Фактически историки-халтурщики выполняют субподряд, который им перепоручают идеологи, и обыватель должен научиться распознавать, где история, а где созданная на ее основе политическая мифология. В этом деле должны помочь ученые, лишенные политической ангажированности. Патриотизм только тогда имеет моральное право на существование, когда основан на исторической истине, а не на политической мифологии. Квасной патриотизм приносит больше вреда, чем пользы. Квасной патриотизм не интересуется истина истории. Его интересуется великая гордость за свою страну, власти и себя самого. То, что он купается во лжи, его волнует в меньшей степени, в большей – чтобы никто (ни из чужих, ни из своих) не говорил неудобоваримой его мышлением правды. В этот момент он уподобляется фальсификаторам и является наиболее стойким их адептом. Борьба с квасным патриотизмом бесполезно, глупо и опасно, ибо он становится крайне агрессивным по мере утверждения научной истины.

Фальсификация следует по пути изменения истинного значения мысли, слова и дела, стараясь придать фактам новую, вымышленную окраску. За видимым изменением смысла акта, события стоит фальсификация личности его участника (т.е. его мысли и слов). Порой бывает достаточно всего лишь изменить акцент, переставить ударение, и истина оказывается утерянной. Фальсификация может быть «топорной» (по примеру доктора Геббельса), а может быть изысканно-интеллектуальной (по примеру тех политиков-интеллектуалов, которые писали мемуары с целью предоставить человечеству свою версию политической истории). Самая эффективная фальсификация слегка подправляет узловые моменты истории, оставляя неприкасаемыми 99,99 % исторической достоверности, но меняя ее по сути. Менять историю по форме гораздо проще, но и разоблачать ее тоже оказывается проще. Куда сложнее, когда ложь скрывается за истинной и «дирижирует» ею, оказываясь в истории самой главной.

Новейшая политическая история элит и проблема достоверности. Политическая история – самая главная проблема и самая большая часть истории. В отличие от истории искусства и науки она в наибольшей мере подвержена фальсификации, поскольку отражает в себе не только представления политиков о текущем политическом процессе, но и их интересы (особенно тайные).

В национальных интересах любого государства иметь исключительно парадный вариант своей истории. Научные истины политиков мало интересуют. Их интерес укладывается в исповедуемые идеологические нормы, поддерживающие их политическую мифологию.

С давних времен политические элиты привыкли, что именно они являются главными рассказчиками истории и крайне раздражались, когда историю рассказывали профессиональные историки. Высший класс для политика – указать историку, как он должен оценивать и видеть события новейшей политической истории; заставить его писать под свою диктовку, так, как это выгодно правящим верхам.

Политическую историю фальсифицируют правящие элиты, а дешифруют при помощи герменевтики уже элиты научные (историки, философы, политологи). Именно им выпадает честь разоблачить политических деятелей, приложивших руку к извращению истории. И именно они принимают на себе критику и удары квасного патриотизма, привыкшего мыслить понятными и доступными обывательскому мышлению «простыми историческими истинами» («идеологическими дрожжами» квасного патриотизма). Чем проще (однолинейно) выглядит история, тем вернее, что она сфальсифицирована. Упрощать историю – значит идеологизировать ее, т.е. низводить истину до уровня примитивного обывательского мышления. В тоталитарных политических режимах история всегда однозначна и примитивна, поскольку детерминирована господствующей политической идеологией.

Ответственность ученых перед обществом многократно возрастает в условиях развития информационного социума постиндустриализма (общества знания). Политика превращается в историю по мере исхода политической актуальности. Процесс

этот определяется специфическим набором различных причин и условий, который меняет свою формулу в зависимости от конкретного исторического случая. Поэтому вывести единый алгоритм перехода политики в историю будет крайне сложно. Но начальный момент движения нам известен – это истечение из политики ее актуальной части, когда политик приобретает приставку «экс».

Экс-политика – это уходящая в прошлое реальность, но не все экс-политики окончательно и бесповоротно уходят в прошлое. Экс-политики бывают двух родов: отправленные в отставку и влачащие жизнь почетного пенсионера или заключенного и те, кто уже отошел в мир иной. Последние окончательно утратили власть над прошлым, в то время как первые еще могут скорректировать свои позиции, тем самым по возможности влияя на историю. Таковы мемуары. Это не только воспоминания знаменитого некогда политика о своей жизни, но и попытка ее успешного оправдания в своих личных интересах. Мемуары пишутся для того, чтобы представить историю в выгодном свете.

Уходящая в прошлое политическая реальность постепенно превращается в историю, по мере ухода с политической сцены ее главных действующих лиц и смены политической актуальности (конъюнктуры). В 2011 г. мы уже можем говорить о том, что эпоха «лихих девяностых» окончательно ушла в прошлое. И не только потому, что главные его участники ушли из жизни (Б.Н. Ельцин, Е.Т. Гайдар, В.С. Черномырдин и др.), но и потому, что то, что они делали, сегодня представляет менее актуально для ныне правящей верхушки (которая тем не менее заинтересована в создании позитивного образа ушедшей эпохи, поскольку ее собственные истоки находятся в ней). На грани ухода в историю стоят и 2000-е гг., хотя путинская история все еще находится на грани истории и политики повседневности.

Политические элиты творят историю своей повседневностью. Но такая история далека от объективности и беспристрастия. Рождается новая мифология – карнавал несурзных анекдотов. Большая часть исторического массива спрятана в специальных архивах и охраняема властью.

Перед новейшей политической историей остро стоит вопрос о публикации архивов экс-лидеров и бывших субъектов правящих элит. Они не только должны быть открыты для свободного доступа, но и быть полными (без купюр и внутренней цензуры). И публикацией этих архивов должны заниматься не политики, как, например, это случилось с архивом Б.Н. Ельцина [3, с. 3], а ученые.

Превращение политики в историю сопровождается процессом «утилизации» правящей элиты и лидеров. Многое в истории – политический утиль, который правдами и неправдами стремится предстать в качестве музейной редкости. Действительно, порой попадают весьма редкие экземпляры, но не настолько редкие, чтобы быть занесенными в «золотую книгу» исторической памяти человечества.

В политической практике случаются как затяжные, так и стремительные переходы политики в историю. Эволюция представляет собой длительный и постепенный процесс ухода элиты в прошлое. Элитогенез включает рождение элиты, апогей ее элитократии и уход (элитоцид) с политической арены. При этом на развитие элиты существенное влияние оказывают законы диалектики, прежде всего, закон отрицание отрицания. Революция – насильственная отправка надоевшей власти на историческую свалку.

Переход политики в историю – это процесс, при котором новейшее «здесь-и-сейчас» становится вчерашним, бывшим. Феномен «бывших» – это взгляд на прошедшее как уже минувшее, ставшее нездешним, чьим-т. Ушедшие становятся «другими» или даже «чужими» для нас, живущих «здесь-и-сейчас». Политика, застывая (и остывая), отчуждается от своих субъектов. Поэтому история – это отчужденная сегодня политика, а также культура, наука и религия.

В политике постоянны переломные исторические моменты – резкие смены эпох (свержение диктатора, смена политических режимов, крах «вечных» идеологий и т.д.). За «концом истории» Ф. Фукуямы последовал «конец» существования самой его концепции. В момент крушения СССР (1991 г.) западный либерализм казался вечным и единственным, но мировой финансовый кризис (2008 г.) поставил крест и на этой «вечной иде-

ее». Теперь и она стала достоянием политической истории. В последнее время британские лидеры вслед за германскими и французскими были вынуждены признать несостоятельность и такой фундаментальной западной доктрины конца XX в., как толерантность, которая не оправдала их демократических надежд.

Иногда элита одновременно оказывается на переломе – застывая во времени на смене эпох. Такова, например, хрущевская элита, отказавшаяся от сталинизма, создавшая эффект «оттепели» и обещавшая коммунизм. Такую элиту определить и оценить особенно трудно, да и сама она затрудняется это сделать.

О характере политической истории элит. Посмертная судьба политических элит волнует их не менее, чем прижизненный позитивный имидж. Чем больше у элиты грехов, тем сильнее ее желание написать «правдивую историю», исключив возможные альтернативные версии. Все элиты стремятся в историю, но не все остаются в ней такими, какими сами желали бы выглядеть. Общеизвестно, что проигравшие участия в создании парадной версии истории не принимают.

Историческая элитология выносит свою оценку политическим элитам в зависимости от их вклада в развитие общечеловеческих ценностей. Если этот вклад не столь велик (т.е. элиты из внутренних эгоистических побуждений работали исключительно на удовлетворение личных интересов и мало заботились о реализации интересов общественных), то скорее всего такая элита получит отрицательную оценку своей роли в истории. Напротив, если в действиях элит мы находим некий альтруизм, патриотизм и даже героизм (что встречается крайне редко), шанс попасть на страницы истории с объективно положительной оценкой возрастает в разы.

История элиты становится национальной историей, когда ей удается показать и доказать, что массы всецело находятся на ее стороне и безгранично преданы ей в проводимой политике. Так, празднование 300-летнего юбилея дома Романовых (1913) было представлено как искреннее изъявление всенародной любви русского народа своему царю. Принятие сталинской Конституции (1937) – как любовь к дорогому вождю и партии. И такой «народной любви» к правящей элите в отечественной и мировой истории достаточно. Однако любовь народа преходяща и для элиты союзник ненадежный. Куда значительнее выигрыш от мифологии и черного PR.

Представители классических западных теорий элит (В. Парето, Г. Моска, Р. Михельс) считали, что элита – это наиболее активное общественное меньшинство, всегда противостоящее общественному большинству (массе). Они говорили о социально-политической элите и практически не упоминали элиту культурную, тех интеллектуалов, которые оказали наибольшее влияние на развитие и современное состояние науки и искусства. А именно в этой элите заключен в наибольшей мере творческий потенциал человеческого рода.

Тот, кто творит политику и культуру, чаще всего остается в исторической памяти человечества, нации, отдельного локального сообщества. Мы видим, что творческое начало имеет больше шансом закрепиться в истории, чем деструктивное. Разрушение тоже достойно исторического внимания, но оно оценивается историей со знаком минус, в то время как творчество – чаще всего со знаком плюс.

В идеале элиты – это всегда самое лучшее, самое качественное. Но лучшее всегда оказывается и самым дорогим. Вот почему важно иметь качественную элиту, некачественная (квазиэлита) разорительна для социума, ибо ее главной характеристикой является не созидание нового качества, а потребление уже имеющегося (коррупция). Россия – богатая страна, поэтому столь расточительна в содержании своей квазиэлиты.

Страницы истории процентов на девяносто посвящены деятельности элит, и лишь десятая часть относится непосредственно к деятельности самих масс. Несмотря на то, что массы доминируют по численному параметру, в истории большинством являются не они, а элита. Элиты узурпировали власть над историей. В пользу данного утверждения указывают учебники истории, в которых даже за анализом и статистикой деятельности масс или гражданского общества все равно стоят отдельные индивиды, по тем или иным соображениям попавшие на страницы истории. У массы складывается своя неформальная элита, состоящая из тех исторических субъектов,

которых персонально (иногда совершенно случайно) зафиксировала историческая память. Случай свел их с историей и оставил в ней, погрузив в исторический массив (пассив). Элита чаще всего выделяется из массы своей активностью и нестандартностью. Элита держит в своих руках все рычаги власти и все нити событий. Ее контроль реального действия и есть то, что мы можем назвать потенциальной историей в будущем. Будущее отбирает нужное из прошлого, хотя само прошлое несоизмеримо богаче, чем оставленные им следы. Удачно наследившая элита всегда будет на виду у историков и на слуху политических идеологов, поскольку является интересной и полезной для них и, главное, занимательной и увлекательной для публики.

Таким образом, одним из базовых признаков всякой элиты является ее причастность к истории. *Критерий историзма* (достойна элита истории или нет?) – самый важный показатель элитности элиты, и может так статься, что ни одна из элит с полным достоинством соответствовать ему не сможет. Это, пожалуй, самый безжалостный критерий элитности. Потому элиты и пытаются заниматься историей, стремясь изъежать суда потомков. Тем более – если у элиты нет прямых и достойных наследников, ее некому бывает защитить от нападков конкурирующих структур, а элита – это вечная конкуренция за право быть первой и хотя бы формально лучшей.

По нашему мнению, в анализе бытия элит очень важен их первоначальный момент развития (элитогенез). Элиты чаще всего начинаются с надежды, а заканчиваются разочарованием. Разочарованием того, что не сбылись те высокие надежды, которые на них возлагались вначале. Весь жизненный цикл элиты может быть выстроен по перманентной линии *надежда – разочарование – надежда...* Слава элиты напрямую зависит от того хрупкого равновесия, которое складывается между надеждой и разочарованием. Элита сильна в надежде и слаба в разочаровании. Банальность этого утверждения столь очевидна, что не требует лишних доказательств и может рассматриваться в качестве некоей элитологической аксиомы.

В надежде избранное становится элитой, в разочаровании элита перестает оной быть и снова оказывается всего лишь претендентом на элиту. Тот, кто претендует на вхождение в элиту, должен доказать, что достоин столь высокого исторического звания. Вход и выход из элиты сопровождаются процессом деградации и дискредитации элитности и внешнего признания субъекта в качестве члена элитной группы. Притязание субъекта на признание его в качестве члена такой группы по времени может занимать всю его жизнь. Ведь и Цезарь не сразу стал Цезарем, а лишь в заключительный момент его бурной земной истории. Именно конечная фаза его жизни принесла ему мировую известность и славу.

Переход от надежды к разочарованию не поддается однозначному описанию. История полна многочисленных примеров таких крушений. И падение рейтинга действующего политического лидера чаще всего происходит из-за того, что общество убеждается – его слова расходятся с его делами. Разочарование усиливается особенно, когда становятся достоянием гласности злоупотребления властью. Но разочарование может случаться и не по вине лидера. Политик может быть носителем высоких и благородных идей, но в деле их осуществления иметь крайне низкую эффективность. Последнее может привести к тому, что о нем все больше начинают говорить в отрицательной форме или, и того хуже, он становится объектом насмешек или сатиры.

Новейшая политическая история еще не раскрыла всех своих политических тайн, но и та информация, что мы имеем, позволяет судить о ближайшем к нам прошлом и выносить свои решения. В настоящее время многие склоняются к тому, что политическая элита эпохи Президента Б.Н. Ельцина (1990-е гг.) не оправдала возлагаемых на нее надежд, и оценивается она более со знаком минус, чем плюс.

Демоны элиты и фальсификация истории. Элиты, раздираемые внутренними противоречиями, больше всего кричат о несправедливости истории, но рационально писать ее страницы из-за царящего в их голове идеологическому хаосу не могут. Им мешают демоны – порочные наклонности и пристрастия, подковерные страсти и закулисные отношения субъектов элит, занятых добыванием и удержанием власти. Деструктивные начала элиты измеряются мерой ее коррумпированности и успехом в

манипуляции общественным сознанием (политическим лицемерием). Когда политическая демагогия становится нормой, снимаются и моральные ограничения в переписывании национальной истории. Вторжение в чужую историю расценивается как претензии на мировое господство.

У каждой элиты должен быть свой лейбл, своя марка, узнаваемое всеми или многими «Я». Именно по этим «маркерам» мы узнаем элиту в истории. Вместо этого каждая элита имеет скелета своем шкафу, притом не одного. Им всегда есть, что скрывать. Лучше всего хранить свои тайны умеют тоталитарные элиты. Тому способствует как закрытость их обществ, так и агрессивность их политических систем.

Идентифицировать элиту в истории представляется весьма сложным процессом, ибо одно дело выяснить формальную элиту и совсем другое – установить ее реальный состав и потенциал. Для этого следует установить ее подлинное качество (элитность). Объективной оценке элиты мешает создаваемая ей мифология. Политическая мифология – это официальный вариант истории элиты, которая активно прибегает к услугам черного PR. Парадный портрет – всегда претенциозный глинец, пытающийся приукрасить горькую и неприглядную правду об элите. Парадный портрет – это аполлетика, миф, утопия, восхваление культа зазнавшейся личности. И к нему так и следует относиться – как к парадному портрету. Культ личности имеет право на историческое продолжение, если это действительно выдающиеся личность, а не карикатура на гениальность. Вот почему историческая элитология должна самым тесным образом взаимодействовать с *историческим персонализмом* (философией личности), ибо тайна истории – это, прежде всего, тайна исторической личности. А исторические личности умеют хранить свои секреты. Дешифровка этих кодов может быть произведена при помощи *исторической герменевтики*, метода, требующего широко привлечения данных философии, культурологии, психологии, языкознания и логики. Именно герменевтика – главный враг фальсификации, поскольку объективно расставляет по своим местам истину, ложь и заблуждение. Ее выводы могут стать приговором для недоброкачественных элит, сделать их не столь респектабельными в истории или и вовсе вывести за рамки исторического.

В условиях информационного общества остро зреет проблема аутентичности источника информации (автора) и верификации информации (текста). Современный человек путается в потоке противоречивой информации, противоречивой даже не по злему умыслу, а по субъективной оценке того, кто этой информацией пользуется. Но ошибки в исторической науке, носящие чаще всего спорадический характер, как правило, дополняются и усиливаются целенаправленными актами фальсификации. Инициаторами распространения политической мифологии в истории чаще всего бывают политические элиты. Осознавая свою историческую и политическую несостоятельность, элиты порой идут на сознательную фальсификацию. Было замечено, что именно авторитарно-тоталитарные элиты власти чаще всего занимались таким «летописанием», и напротив, когда наступали либерально-демократические времена, приходила потребность пересмотра истории, которая оказывалась фальсифицированной. Ложь историческая фактически является ложью той политической элиты, при которой был создан этот официоз. Парадный портрет элиты на поверку оказывается утопией, написанной черным PR, который возводит желание казаться лучше в полный абсолют.

Для того чтобы стать адекватной частью историей, элиты должны научиться слушать свою страну, видеть и понимать свое время. Но для того, чтобы чувствовать страну, нужно знать правду о ее истории и не бояться встречи с ложью предшествующих поколений. Элиты очень боятся прослыть наследниками тиранических политических режимов, боятся потому, что быть наследником тирана плохо – современники (а особенно недруги) могут приписать власти тиранические характеристики, которые могут испортить ее репутацию. Поэтому приукрасить историю значит добавить себе дополнительные бонусы. История становится предметом политического торга, разменной монетой политического пасьянса.

Политики-чиновники всегда спешат с определением в истории. Они считают, что «историк уже сейчас готовый если не к однозначным выводам, то к стройным и под-

твержденным документами теориям» о новейшей политической истории [3, с. 3]. Такие оценки не могут носить строго научного характера, потому что в апологии власти еще заинтересованы те, кто недавно сам был на политическом Олимпе. Слащавая история – бальзам для экс-лидеров, но не для гражданского общества. В такой позиции даже не подразумевается конструктивная критика власти – только апология и только парадные реляции. Когда историю пишут отставные политики, всегда получаются сплошные парады. Но парад – это витрина политики. Что творится на «складах» и в «подсобках» политической яви, не ведают порой сами политики. Ученые поэтому должны с особым вниманием относиться к тому, когда политики начинают заниматься историей. У нас не должно быть никаких иллюзий на этот счет и ни капли доверия тому, что они нам попытаются выдать в качестве базовой исторической истины.

На «Валдайском клубе – 2010» В.В. Путин заявил, что: «История – такая штука, которая не требует суесть». Политологи тут же его откомментировали, что «именно так думают все практикующие государственные деятели, чувствующие на плечах груз исторической ответственности за страну» [5, с. 6]. Но что думают те политики, которые не являются государственными деятелями и не чувствующие такой груз ответственности? Таковых на поверку оказывается большинство. Напомним, что, по мнению У. Черчилля, государственный деятель думает о пользе государства, а политикан – лишь о пользе своего кармана. Отношение этих двух типов политиков к истории (ответственное и безответственное) и отношение к ним самой истории (признание или непризнание их заслуг) будет во многом зависеть от их морального облика – пошли они на сделку с совестью или остались верными моральным принципам?

Политологи уже отмечали национальную примету в России: «...как только в стране начинается "оттепель", так сразу просыпается бурный интерес к пересмотру истории (как, кстати, и к усилению критики власти, которая "оттепель" начинает). Россия является единственной известной мне страной на планете, где столь активно разоблачают собственное прошлое. Другие используют историю почти исключительно для разоблачения чужого прошлого» [6, с. 6]. Мнение В. Никонова мы снабдим вумя замечаниями: 1) пересмотр истории в эпоху «оттепели» – всего лишь следствие, причина – то, что в предшествующую эпоху усиления авторитарно-тоталитарных тенденций власти активно фальсифицировали историю в угоду сиюминутным политическим интересам, и «оттепель» лишь снимает возникшее «напряжение» между истиной и «политическим нуждой»; 2) усиление критики власти – это месть отдельных, наиболее активных элементов гражданского общества за то, что власть не считается с интересами общества и пренебрегает его мнением. В таких условиях пересмотр истории представляет собой очищение истории от фальсификации и неверных суждений прежней идеологической модели. Борьба с фальсификацией не просто можно, но и нужно. Это первый долг историка. Когда историки мирятся с отсутствующей в истории ложью и заблуждением, они сами потакают обману и становятся соучастниками заговора против истины. Любая попытка пересмотра истории, если она объективна и подчинена научным законам, всегда будет идти на пользу общественному сознанию, способствовать его выздоровлению и избавлению от чар тоталитарной идеологии. Россия XX в. в наибольшей мере пострадала от произвола тоталитарной идеологии, поэтому и пересмотр истории у нас носит столь болезненный и глубокий характер.

История России столько раз переписывалась, что уже забыли, зачем и кем это делалось? Политические элиты этого не помнят, поскольку постоянно заняты переписыванием истории. Но это должны понимать ученые-историки. Помнить и доносить гражданскому обществу правду о его прошлом.

Авторитарные элиты более успешно пишут новые проекты истории, поскольку более четко прописаны их идеологические цели. У либерально-демократических элит больше времени уходит на открытые дискуссии относительно характера понимания прошлого, и часто не хватает времени и сил для системного изложения своего варианта истории. Элиты, рожденные в горниле либеральной революции 1990-х гг. [8, с. 111], так и не смогли предложить российскому обществу свой проект истории, зато

фактически подменили его проектом модернизации и развития основ гражданского общества. В случае реализации последних проектов Россия выиграет, несомненно, больше, чем от реализации проекта новой истории. Власти вообще не должны заниматься историей, предоставив ее на откуп ученым. Это не значит, что власть не должна интересоваться историей вообще. Но она должна полностью доверять мнению ученых, ибо только научный подход к истории будет адекватен в условиях информационного общества и господства меритократии.

О долге политиков перед историей. История элиты – это история общественного времени, ритмы колебания которой и определяются элитой. Эти ритмы имеют свою закономерность случайных процессов и непредсказуемых событий.

Элита – это жизнь определенного поколения замечательных людей. Жизнь элиты – ее потенциальная история. Потенциальная потому, что не все деяния достойны того, чтобы оказаться в истории. Вот почему среди умудренных опытом политиков так много тех, кто пишет мемуары. Это реабилитация содеянного перед судом истории. У. Черчилль написал «Историю Второй мировой войны» (видимо, грехи были такими, что потребовалось оправдываться по каждой странице, по каждому эпизоду этой истории). А И. Сталин никаких мемуаров не писал, зато оставил «Краткий курс истории ВКП(б)» – мемуары большевизма в изложении главного лица.

Не дело политики заниматься историей. Это патология. Это открытие пути к фальсификации истории конкретной политической конъюнктурой. Когда историки занимаются политикой, польза бывает всем, даже тем, кто никогда не интересовался ни историей, ни политикой. История должна находиться в руках ученых, только так она сможет сохраниться и уберечь себя от недругов в политическом обличии.

Каждая историческая эпоха с высоты своего разума пересматривает прошлые истины, выискивая в них неточности или явные заблуждения. Другое дело, что высота разума новой эпохи оказывается порой ниже высоты разума прошлого времени. Когда в мышлении «пересмотрщиков» истина оказывается оторванной от морали, когда новые «историки» интерпретируют прошлое, подгоняя его под реалии своего настоящего, тогда история вновь возвращается в политику и становится ее частью. Сам факт возвращения истории в политику может свидетельствовать лишь об одном – не о новой актуализации прошлого, а о преднамеренной фальсификации истории. Именно с этим и должна, по нашему мнению, бороться историческая герменевтика. Стоящая перед исторической и политической герменевтикой задача «состоит в том, чтобы очистить политическое сознание и политическую науку от все еще господствующих в них различных стереотипов и мифов политических идеологий» [9, с. 123].

История пытается вернуть политике утраченную совесть, дабы аморализм не унижал ныне живущих и не дискредитировал живших. Исторические персонажи должны измеряться и оцениваться по следующим трем критериям: вера, честь и совесть. Именно они непосредственным образом указывают на достоинства личности.

Библиографический список

1. *Артизов А.* Как открывают тайны / А. Артизов // Известия. – 2010. – № 21 (28036). – С. 10.
2. *Ашин Г. К.* Элитология: история, теория, современность: моногр. / Г. К. Ашин. – М. : МГИМО (У), 2010. – 600 с.
3. *Григорьева Е.* Борис Ельцин и его история: меняются оценки деятельности первого президента России / Е. Григорьева // Известия. – 2011. – № 18 (28279). – С. 3.
4. *Карабущенко П. Л.* Политическая история: истина и фальсификация политического прошлого / П. Л. Карабущенко // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2010. – № 2 (23). – С. 93–100.
5. *Карлейль Т.* Герои, почитание героев и героическое в истории / Т. Карлейль. – М. : Эксмо, 2008. – 864 с.
6. *Никонов В.* Валдай и Путин / В. Никонов // Известия. – 2010. – № 167 (28182). – С. 6.
7. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М., 2008.
8. *Пляйс Я. А.* Новый проект реконструкции властной элиты в России: содержание и перспективы реализации // Демократия. Власть. Элиты: Демократия vs элитократия : сб. ст. / под ред. Я. А. Пляйса. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – С. 87–112.

9. Рычагов И. С. Герменевтика в контексте современной политической науки / И. С. Рычагов // Вопросы элитологии: философия, культура, политика. – 2004. – Т. 1. – С. 118–124.

ЭЛИТА В ИССЛЕДОВАНИЯХ ГЕРМАНСКИХ ИСТОРИКОВ

Т.В. Евдокимова
(Россия, Волгоград)

Аннотация. *Впервые в российской историографии исследуется проблема изучения германскими историками специфики национальной элиты на различных этапах развития государства и общества. Выявлены причины преобладания теоретических исследований по элитам над эмпирически-описательными, показаны новые подходы германских ученых к этой проблеме в настоящее время. В работе используется междисциплинарный подход.*

Annotation. *The author investigates the problem of distinctive characteristics of the national elite by the German historians on different stages the reasons of state and social development for the first time in the Russian historiography. The author states the reasons of prevailing of theoretical works over the empiric-descriptive ones. The investigation shows the new approaches by the German scholars towards this problem on the boundary of the two centuries. The research is carried out on the basis of interdisciplinary approach.*

Ключевые слова: *германские историки, германская элита, политическая элита, веймарская Германия, аристократия, «фюрунгсшихтен», «фюрунгсgruppen», междисциплинарный подход.*

Key words: *Germans historians, German elite, aristocracy, Führungsschichten, Führungsgruppen, interdisciplinary approach.*

Изучение элит в Германии прошло сложный путь познания. Если учитывать, что с конца XIX в. учения об элитах стали предметом идеологического и научного спора (Моска, Парето, Сорель, Михельс), то можно предположить, что, наряду с признанными учениями, должны были появиться и эмпирически-описательные [9, с. 203]. Однако данная тенденция не характерна для Германии.

Дело в том, что сам термин «элита» импортировали в Германию из французского языка конца XVIII в., но затем он исчез. Между 1900 и 1945 г. существовало понятие «Adel» (дворянство, знать, аристократия), а не «элита». Доминирующей моделью в Германии на протяжении 40 лет стала концепция «элиты» как “Kulturträger” (носитель культуры), т.е. как представителя исключительно духовной жизни. По мнению ученого Райтмайера, «для умов немецкоговорящих авторов Веймарского периода понятие “элита” ... не представляло вызова», т.е. оно не рассматривалось в качестве «руководящего мыслительного перекрестка» при определении будущего общественного устройства [15, с. 383]. В противовес таким понятиям, как «массовое общество», «классовое общество», предпочитали использовать такие категории, как “Herrenrasse” («раса господ»), “Adelrasse” («раса знати»), а в дискуссии по реформе положения аристократии на первом месте находились не понятия «сословие», «корпорация», а «фюрер». Аристократ как «вождь» становится политическим понятием.

«Вопрос об элитах в Германии после 1945 г. долгое время являлся табуизированным». Объективно и открыто говорить об элитах во главе общества и о целенаправленном образовании элит в Германии запрещалось. Это было связано с тем, что неудача основных общественных слоев в Веймарской республике и их тесная связь с третьим рейхом сделали после Второй мировой войны это понятие сомнительным. Элитарные мысли нацистов о расе господ дискредитировали данное понятие [19, с. 7]. «В Германии понятие элита после окончания Второй мировой войны еще долго оставалось после себя горький привкус». Опыт господства национал-социалистической системы с гипертрофией культа фюрера осложнял оценочно нейтральный переход к теориям элит.